

Зеленая дверь

Вообразите, что после обеда вы шагаете по Бродвею и на протяжении десяти минут, потребных на то, чтобы выкурить сигару, обдумываете выбор между забавной трагедией или чем-нибудь серьезным в жанре водевиля. И вдруг вашего плеча касается чья-то рука. Вы оборачиваетесь, и перед вами дивные глаза обворожительной красавицы в брильянтах и русских соболях. Она поспешно сует вам в руку невероятно горячую булочку с маслом и, сверкнув парой крохотных ножниц, в один миг отхватывает ими верхнюю пуговицу на вашем пальто. Затем многозначительно произносит одно лишь слово: «Параллелограмм!» — и, боязливо оглядываясь, скрывается в переулке.

Вот все это и есть настоящее приключение. Вы бы на это откликнулись? Вы — нет. Вы бы залились краской смущения, конфузливо уронили булочку и зашагали бы дальше, неуверенно шаря рукой по тому месту на пальто, откуда только что исчезла пуговица. Именно так вы и поступили бы, если только не принадлежите к тем немногим счастливым, в которых еще не умерла живая жажда приключений. Истинные искатели приключений всегда были наперечет. Те, которых увековечило печатное слово, большей частью лишь трезвые, деловые люди, действовали новоизо-

бретенными методами. Они стремились к тому, что им требовалось: золотое руно, чаша святого Грааля, любовь дамы сердца, сокровища, корона или слава. Подлинный искатель приключений с готовностью идет навстречу неведомой судьбе, не задаваясь никакой целью, без малейшего расчета. Отличным примером может послужить Блудный сын — когда он повернул обратно к дому.

Псевдоискатели приключений — хотя личности яркие, отважные — крестonosцы, венценосцы, меченосцы и прочие — водились во множестве, обогащая историю, литературу и издателей исторических романов. Но каждый из них ждал награды: получить приз, забить гол, посрамить соперника, победить в состязании, создать себе имя, свести с кем-либо счеты, нажить состояние. Так что их нельзя отнести к категории истинных искателей приключений.

В нашем большом городе духи-близнецы — Романтика и Приключение — всегда наготове, всегда в поисках своих достойных почитателей. Когда мы бредем по улице, они тайком поглядывают на нас, заманивают, прикрываясь десятками различных масок. Неведомо почему, мы вдруг вскидываем глаза и видим в чужом окне лицо, явно принадлежащее к нашей портретной галерее самых близких людей. В тихой, сонной улочке из-за наглухо закрытых ставен пустого дома мы ясно слышим отчаянный крик боли и страха. Кебмен, вместо того чтобы подвезти вас к привычному подъезду, останавливает свой экипаж перед незнакомой вам дверью, и она приветливо открывается, как бы приглашая войти.

Из высокого решетчатого окна Случая к вашим ногам падает исписанный листок. В спешащей уличной

толпе мы обмениваемся взглядами мгновенно вспыхнувшей ненависти, симпатии или страха с совершенно чужими нам людьми. Внезапный ливень — и, быть может, ваш зонт укроет дочь Полной Луны и кухню Звездной Системы. На каждом углу падают оброненные платки, манят пальцы, умоляют глаза, и вот уже в руки вам суют отрывочные, непонятные, таинственные, восхитительные и опасные нити, которые тянут вас к приключению. Но мало кто из нас захочет удержать их, пойти туда, куда они поведут. Наша спина, вечно подпираемая железным каркасом условностей, давно заостенела. Мы проходим мимо. И когда-нибудь на склоне нашей унылой, однообразной жизни мы подумаем о том, что Романтика в ней особой яркостью не отличалась — одна-две женитьбы, атласная розетка, запрятанная на дно ящика, да извечная непримиримая вражда с радиатором парового отопления.

Рудольф Штейнер был истинным искателем приключений. Редким вечером не выходил он из своей «комнаты на одного» в поисках неожиданного, невероятного. Ему всегда казалось, что самое интересное, что только дает жизнь, поджидает его, быть может, за ближайшим углом. Порой желание испытать судьбу заводило его на странные тропы. Дважды он провел ночь в полицейском участке. Вновь и вновь становился жертвой плутов, облегчавших его карманы. За лестное дамское внимание ему пришлось расплатиться и кошельком, и часами. Но с неослабевающим пылом поднимал он каждую перчатку, брошенную ему на веселой арене Приключения.

Однажды вечером Рудольф прогуливался в старой, центральной части города. По тротуару текли людские

потоки — одни спешили к домашнему очагу, другие — беспокойный народ! — покинули его ради сомнительного уюта тысячесвечного табльдота.

Молодой и приятной внешности искатель приключений был в ясном расположении духа, но преисполнен ожидания. Днем он служил продавцом в магазине роялей. Галстук он не закреплял булавкой, а пропускал его концы сквозь кольцо с топазом. И однажды он написал издателю некоего журнала, что из всех прочтенных им книг самое сильное влияние на его жизнь оказал роман «Испытания любви Джуни», сочинение мисс Либби.

Громкое лязганье зубов в стеклянном ящике, выставленном на тротуаре, заставило его (не без внутреннего трепета) обратить внимание на ресторан, перед которым упомянутый ящик был выставлен, но в следующую минуту он обнаружил над соседней дверью электрические буквы вывески дантиста. Стоя подле двери, ведущей к дантисту, огромного роста негр в фантастическом наряде — красный, расшитый галунами фрак, желтые брюки и военное кепи — осторожно вручал какие-то листки тем из прохожих, кто соглашался их принять.

Этот вид зубоврачебной рекламы был для Рудольфа знакомым зрелищем. Как правило, он проходил мимо, игнорируя визитные карточки дантистов. Но в этот раз африканец так проворно сунул ему в руки листок, что Рудольф не выбросил его и даже улыбнулся тому, как ловко это было проделано.

Пройдя несколько шагов, Рудольф равнодушно глянул на листок. Удивленный, он перевернул его и потом снова рассмотрел, уже с интересом. Одна сторона листка была чистая, на другой чернилами напи-

сали: «Зеленая дверь». И тут Рудольф увидел, что шагавший впереди прохожий выбросил на ходу листок, также врученный ему негром. Рудольф поднял листок, посмотрел: фамилия и адрес дантиста с обычным перечнем — «протезы», «мосты», «коронки» и красноречивые посулы «безболезненного удаления».

Адепт Великого Духа Приключений и продавец ролей остановился на углу и задумался. Затем перешел на противоположную сторону улицы, отшагал квартал в обратном направлении, вернулся на прежнюю сторону и слился с толпой, движущейся туда, где сияла электрическая вывеска дантиста. Проходя вторично мимо негра и делая вид, что не замечает его, Рудольф небрежно принял листок, снова предложенный ему. Шагов через десять он осмотрел новый листок. Тем же самым почерком, что и на первом, на нем было выведено: «Зеленая дверь». Поблизости на тротуаре валялись три подобных же листка, брошенных шагавшими впереди или позади Рудольфа, — все листки упали чистой стороной вверх. Он поднял их и осмотрел. На всех он прочел соблазнительные приглашения зубоврачебного кабинета.

Быстрому, резвому Духу Приключений редко приходилось манить Рудольфа Штейнера, своего верного почитателя, дважды, но на этот раз призыв был повторен, и рыцарь поднял перчатку.

Рудольф опять повернул назад, медленно прошел мимо стеклянного ящика с лязгающими зубами и негра-гиганта. Но листка он не получил. Несмотря на нелепый, пестрый наряд, негр держался с достоинством, присущим его сородичам, вежливо предлагая карточки одним, других оставляя в покое. Время от времени он выкрикивал что-то громкое и невразумительное,

сходное с возгласами трамвайных кондукторов, объявляющих остановки, или с оперным пением. Но он не только оставил Рудольфа без внимания — молодому человеку даже показалось, что широкое лоснящееся лицо африканца выражало холодное, почти уничтожающее презрение.

Взгляд негра словно ужалил Рудольфа. Его сочли недостойным! Что бы ни означали таинственные слова на листке, чернокожий дважды избрал его среди толпы. А теперь, казалось, осудил как слишком ничтожного умом и духом, чтобы его можно было привлечь загадкой.

Встав в стороне от толпы, молодой человек быстрым взглядом окинул здание, в котором, как он решил, скрывалась разгадка тайны. Дом поднимался на высоту пяти этажей. В полуподвале расположился небольшой ресторан.

На первом этаже, где все было на запоре, по видимому, продавались шляпки или меха. На втором, судя по буквам, мигающим электричеством, обитал дантист. На следующем этаже царил вавилонское многоязычие вывесок: гадалки, портнихи, музыканты и врачи. Еще выше задернутые занавески на окнах и белевшие на подоконниках молочные бутылки заверяли, что здесь область домашних очагов.

Завершив обзор, Рудольф взлетел по крутым каменным ступеням, ведущим в дом. Быстро поднявшись по крытым ковром лестницам до третьего этажа, он остановился. Здесь площадка еле освещалась двумя бледными газовыми рожками. Один мерцал где-то далеко в коридоре направо; другой, поближе, — налево. Рудольф глянул влево и в слабом свете рожка увидел зеленую дверь. Мгновение он колебался. Но

тут же вспомнил оскорбительную насмешку на лице африканского жонглера карточками и, не раздумывая более, шагнул прямо к зеленой двери и постучал.

Секунды, подобные тем, что последовали за его стуком, соразмерны быстрому дыханию истинного приключения. Только подумать, что может ожидать его по ту сторону! Игроки за карточным столом; хитрые пройдохи, с тонким расчетом раскладывающие приманки в свои западни; красавица, превыше всего ценящая отвагу и решившая покориться только смельчаку. Опасность, смерть, любовь, разочарование, насмешки — все может быть ответом на этот безрассудный стук.

Изнутри послышался слабый шорох, и дверь медленно приоткрылась. На пороге стояла девушка, еще не достигшая и двадцати лет, — она была бледна, еле держалась на ногах. И вдруг выпустила дверную ручку, покачнулась, попыталась найти опору, шаря рукой в воздухе, — Рудольф успел подхватить ее и уложил на кушетку с полинялой обивкой, стоявшую у стены. Дверь он закрыл и в еле мерцающем свете газового рожка быстро оглядел комнату. Чисто, опрятно, но все говорит о самой крайней нужде.

Девушка лежала неподвижно, очевидно, в обмороке. Рудольф озабоченно оглядел комнату в поисках бочки, на которой он мог бы... нет-нет, не то, это если кто утонет... Он принялся обмахивать девушку шляпой. Это дало желанный эффект — он задел ее по носу полями своего котелка, и она открыла глаза. И тут наш молодой человек увидел, что ее лицо, несомненно, и есть недостающий портрет из его сердечной галереи самых близких. Честные серые глаза, задорный вздернутый носик, каштановые волосы, вьющиеся, как усики душистого горошка, — все это звучало

правильным заключительным аккордом и венцом всех его удивительных приключений. Но какое же это было худое и бледное личико!

Она взглянула на него спокойно, потом улыбнулась.

— У меня был обморок, да? — проговорила она слабым голосом. — Хоть с кем могло случиться, будь он на моем месте. Попробуйте не есть три дня, сами убедитесь.

— Himmel!¹ — воскликнул Рудольф, вскакивая с места. — Ждите меня, я вернусь мигом!

Он бросился к двери и вниз по лестнице. Через двадцать минут он уже снова стоял у зеленой двери, стуча в нее ногой: в руках у него была охапка снеди из бакалейной лавки и ресторана. Все это он выложил на стол — хлеб, масло, холодное вареное мясо, пирожные, паштет, маслины, устрицы, жареного цыпленка, одну бутылку с молоком и одну с чаем, горячим, как огонь.

— Смешно, нелепо устраивать голодовки, — заговорил Рудольф громко, с нарочитой строгостью. — Раз и навсегда прекратите такого рода пари. Ужин готов.

Он помог ей сесть за стол и спросил:

— Чашка для чая имеется?

— На полке у окна.

Когда Рудольф вернулся с чашкой, девушка, блестя глазами, уже принялась за крупную маслину, которую успела извлечь из пакета, с безошибочным женским инстинктом угадав его содержимое.

Рудольф, смеясь, отобрал маслину и налил полную чашку молока.

¹ О небо! (нем.)

— Сперва выпейте это, — распорядился он, — потом чай и крылышко цыпленка. Маслину получите завтра, если будете умницей. А теперь, если разрешите быть вашим гостем, приступим к ужину.

Он пододвинул к столу второй стул. От чая глаза у девушки оживились, лицо чуть порозовело. Она ела с изысканной жадностью, как изголодавшийся дикий зверек. Присутствие в комнате постороннего молодого человека и предложенную им помощь она, казалось, рассматривала как нечто само собой разумеющееся. Не потому, что мало придавала значения условностям, а потому, что естественное, заложенное в человеке природой чувство голода дало ей право на время забыть об искусственном и условном. Однако постепенно, по мере того как восстанавливались ее силы и самочувствие, с ними вместе вернулись и все привычные маленькие условности.

Она рассказала ему свою нехитрую историю — одну из тысячи таких, над которыми ежедневно зевает город, — историю продавщицы в магазине. Жалкая оплата, еще урезаемая «штрафами», которые повышают доходы хозяина; болезнь, зря потерянное время. А потом потеря места, потеря надежд и... и в зеленую дверь стучит искатель приключений.

Но в ушах Рудольфа этот рассказ прозвучал как «Илиада» — или как кульминационная сцена в романе «Испытания любви Джуни».

— Боже мой, только подумать, что вам пришлось пережить! — воскликнул он.

— Да, просто ужас, — сказала девушка с величайшей серьезностью.

— И у вас здесь нет ни родственников, ни друзей?

— Ни души.

— У меня тоже, — проговорил Рудольф, помолчав.

— Я очень этому рада, — немедленно отозвалась девушка. И молодому человеку почему-то было очень приятно услышать, что ее радует его одинокое существование.

Вдруг как-то сразу веки у нее стали слипаться, и она глубоко вздохнула.

— Ужасно хочется спать... Мне так хорошо...

Рудольф встал, взял шляпу.

— В таком случае пожелаю вам спокойной ночи. Крепкий длительный сон именно то, что вам нужно.

Он протянул руку, девушка приняла ее и сказала «спокойной ночи». Но в глазах у нее был такой красноречивый, такой откровенный, такой вызывающий вопрос, что Рудольф ответил на него словами:

— Да, конечно, завтра я зайду проверить, как у вас дела. Вам от меня так легко не отделаться.

Только когда он уже стоял у порога, она спросила, как он попал к ней, словно по сравнению с самим фактом его появления это обстоятельство было столь мало важно!

— Почему вы постучали ко мне?

Он взглянул на нее, вспомнил листки, которые раздавал негр, и сердце у него сжалось от ревности и боли. Что, если бы они попали в другие руки — в руки таких же искателей приключений, как он сам? Рудольф мгновенно решил, что она никогда не должна узнать правду. Он никогда не скажет, что ему известна та странная мера, на которую ее толкнула безвыходность положения.

— Один из наших настройщиков живет в этом доме, — сказал он. — Я ошибся дверью.

Последнее, что видел Рудольф перед тем, как за ним закрылась зеленая дверь, была улыбка девушки.

На лестничной площадке он с любопытством огляделся. Потом прошелся во всю длину коридора сперва в один его конец, потом в другой. Затем поднялся выше, продолжая проверять ошеломляющее открытие: все двери в доме были выкрашены в зеленый цвет.

Все еще недоумевая, он спустился вниз, вышел на улицу. Африканец в фантастическом наряде стоял на прежнем месте. Рудольф протянул ему оба свои листка.

— Объясните, почему вы дали мне эти листки и что они значат? — спросил он.

Широкая добродушная улыбка на лице негра послужила отличной рекламой его работодателю.

— Вон там, — проговорил он, указывая вдоль улицы, — только к первому акту вы уже опоздали!

Проследовав взглядом туда, куда указывал негр, Рудольф увидел ослепительные электрические буквы над театральным подъездом, возвещавшие название новой постановки:

«ЗЕЛЕНАЯ ДВЕРЬ».

— Я слышал, босс, пьеса первый сорт, — сказал негр. — Их агент дал мне доллар, сказал, чтоб я раздал немного их бумажек, вместе с докторскими. Могу предложить вам и докторскую карточку, сэр?

На углу квартала, где он жил, Рудольф зашел выпить кружку пива и взять сигару. Закурив, он вышел на улицу, застегнул пальто на все пуговицы, сдвинул шляпу на затылок и заявил решительно, обращаясь к ближайшему уличному фонарю:

— Все равно я верю, что сам перст Судьбы указал мне дорогу к той, которая мне нужна.

И этот вывод, учитывая вышеописанные обстоятельства, безусловно, позволяет причислить Рудольфа Штейнера к истинным последователям Романтики и Приключения.

С высоты козел

У кебмена свой особый взгляд на вещи и, возможно, более цельный и вместе с тем односторонний, нежели у кого-либо, избравшего иную профессию. Покачиваясь на высоком сиденье, он взирает на ближних своих как на некие кочующие частицы, не имеющие ни малейшего значения, пока их не охватит стремление к миграции. Он — возница, а вы — транспортируемый товар. Президент вы или бродяга — кебмену безразлично, вы для него всего лишь седок. Он вас забирает, шелкает хлыстом, вытрясает из вас душу и высаживает вас в пункте назначения.

Если в момент оплаты вы обнаружите знакомство с узаконенной таксой, вы узнаете, что такое презрение; если же выяснится, что ваш бумажник забыт дома, воображение Данте покажется вам весьма скудным.

Не следует отвергать теорию, утверждающую, что ограниченная целенаправленность кебмена и его суженная точка зрения на жизнь есть результат конструкции самого экипажа. Подобно Юпитеру, кебмен возвышается над вами, безраздельно занимая свое высочайшее место, и держит вашу судьбу меж двух неустойчивых кожаных ремней. А вы — беспомощный, нелепый узник, болтающий головой, словно китайский

болванчик, — вы, перед кем на твердой земле пресмыкаются лакеи, — вы должны, как мышь в мышеловке, пищать в узкую щель вашего странствующего саркофага, чтобы ваши робкие пожелания были услышаны.

При этом вы даже не седок в экипаже, вы — его содержимое. Вы груз корабельного трюма, и «херувим, на небесах сидящий», отлично знает, где именно идут ко дну корабли.

Как-то вечером из большого кирпичного жилого дома — всего через дом от «Семейного кафе» МакГэри — доносились звуки шумного веселья. Они исходили, по-видимому, из квартиры семейства Уолш. Весь тротуар был забит пестрой толпой любопытных соседей, время от времени теснившихся, чтобы дать проход посланцу из кафе МакГэри, несущему всевозможные предметы, предназначенные для пиршества и увеселений. Зеваки на тротуаре увлеченно пересказывали сплетни и обменивались мнением, из чего нетрудно было понять основную тему: Нора Уолш справляет свадьбу.

В положенное время на тротуар высыпали и гости. Неприглашенные столпились вокруг них, проникли в их гущу, и ночной воздух наполнился веселыми возгласами, поздравлениями, смехом и тем трудно описуемым шумом, который явился, не без помощи МакГэри, результатом возлияний в честь Гименея.

У обочины тротуара стоял кеб Джерри О’Донована. «Ночной ястреб» — вот какое прозвище получил этот возница. Но из всех кебов, чьи дверцы когда-либо захлопывались за пеной кружев и ноябрьскими фиалками, он выглядел самым чистеньким и блестящим. А конь? Нимало не преувеличивая, могу сказать, что он был набит овсом до такой степени, что даже одна